

EDN: OTINMS
УДК 159.942.4:130.121

Phenomenology of the Experience of Guilt on the Example of Dostoevsky's “The Brothers Karamazov”

Dmitriy O. Nemchin* and **Alla V. Toropova**

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 30.07.2024, accepted 12.10.2024

Abstract. This paper aims at presenting a model of the way to analyse the complex feeling of guilt on the examples of the Dostoevsky's “The Brothers Karamazov” heroes. Methods of personology, theoretical modeling, phenomenology and hermeneutics of artistic literature monologues form the methodological basis. The choice of the respondents such as Dostoevsky's characters proves the originality of an approach. We believe that the personological model of guilt phenomenology analysis could be used in further investigation of extensive affective experience of a person to grasp individual foundations and the genesis of the feeling in a huge variety of social contexts of interactions, including consulting psychology. Presented results make it possible to find a path to integrate the model of phenomenological analysis of guilt in the process of handling with such experience in a frame of psychological consultation.

Keywords: phenomenology, emotion, experience, feeling, guilt, attitude, suffering, model.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Psychology (Social Sciences), Philosophy (Arts and Humanities).

Citation: Nemchin D. O., Toropova A. V. Phenomenology of the experience of guilt on the example of Dostoevsky's “The Brothers Karamazov”. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(11), 2154–2164. EDN: OTINMS

Феноменология опыта переживания вины на примере “Братьев Карамазовых” Достоевского

Д.О. Немчин, А.В. Торопова

Национальный исследовательский университет

“Высшая школа экономики”

Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье предлагается модель феноменологического анализа чувства вины на материале монологов избранных литературных персонажей (героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»). Теоретической основой является методология персонологии; методы исследования – моделирование, феноменологический и герменевтический анализ художественного текста. Новизна модели заключается в выборе персонажей литературного произведения в качестве респондентов глубинного феноменологического исследования. Предполагается, что персонологическая модель анализа специфического переживания через монолог героев прольет свет на диапазон переживаний чувства вины, свойственных личностям в различных контекстах социального взаимодействия, в том числе в психологическом консультировании. Полученные результаты позволили сделать вывод о применимости модели феноменологического анализа монолога персонажа для углубления понимания переживаний клиентов в психологическом консультировании.

Ключевые слова: феноменология, переживание, опыт, вина, отношение, виновность, модель, текст.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии; 5.7.6. Философская антропология, философия культуры.

Цитирование: Немчин Д. О., Торопова А. В. Феноменология опыта переживания вины на примере “Братьев Карамазовых” Достоевского. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(11), 2154–2164. EDN: OTINMS

Введение

в проблему исследования

Вина как феномен человеческого отношения и самовосприятия, переживания и осмысления – сфера притяжения интересов множества областей знания. Виновность является предметом изучения криминологии, когда мы говорим о факте содеянного преступления. Вина как феномен сознания и самосознания человека, связанный с морально-нравственными аспектами жизни, этическим “законом”, религией и духовностью, изучается философией. Последствия возникновения чувства вины акцентируются как предмет

изучения в медицине, в психиатрии, в частности, диагностика “фактора вины”, оценка поведенческой реакции виновного на свои переживания помогает оценить степень патологии психического состояния в комплексе других диагностических мероприятий. Вина стала предметом изучения в психологии как сложная эмоция, которая трудна для концептуализации из-за своей неоднозначности, разнополярности её влияний на человека и социум. Таким образом, феномен вины открывает возможности для анализа с позиции различных дисциплин, в частности философии, психологии и психотерапии,

в том числе теорий личности, персонологии и консультативной психологии, в первую очередь экзистенциально-гуманистической ее традиции.

Миф о грехопадении, пронизывающий всю европейскую культуру и отраженный в самовосприятии человека, основан на признании изначально виновности человека перед абсолютной идеей Добра, Мировой душой, Богом. Секуляризация современного мира, его восприятие человеком ориентирует на переживание виновности перед самим собой как разочаровывающем в своих ожиданиях от самого себя человека, как эгоцентрическое проявление вины от нереализованности, “невсесовершенство”, неидеальности... Подробнее этот тезис мы раскроем при рассмотрении концептологических оснований исследования, которые обнаруживаем в гуманистической и экзистенциальной философской мысли.

Толкование и реконструкция моделей отношения к чувству вины в философских текстах предпринимались современными философами-историками и методологами, к чьим трудам целесообразно обратиться в контексте поставленных исследовательских вопросов (Lebedev, A.V.; Kovalev, A.A.; Golub, N.N.; Turyshcheva, O.N.).

Так, “энтелехия” как идея законченности в философской системе Аристотеля уже с античных времен ориентирует на некий потенциал, движение к завершеному действию (Lebedev, 2017). Вина в форме “отказа от” в логике античного философа становится побуждающим фактором принять ответственность и совершить действие. Вина продолжает рассматриваться как активизирующая причина поступка в философии Средневековья, когда главным коррелятом вины становится грех, вина человека перед абсолютной и совершенной Идеей Всеблагой Высшей силы, Духа и собственной бессмертной души.

Г. Лейбниц, в Новое время ставший проводником к “математическому разуму”, связал феномены вины и зла, что было отмечено Ковалевым (Kovalev, 2021). Через понятие свободы воли и подчеркивание благодаря такому акценту субъектности че-

ловека в бытии мы идем от идеи источника человеческой вины в лице Бога во внутренний мир человека как носителя нравственности, в изначально внутренние законы, которые составляют систему убеждений об этически оправданном.

И. Кант в еще большей степени наделяет ответственностью человека, вменяет чувство вины от личного человеческого долга, который состоит в актуализации потенциальной возможности стать свободным человеком (Kant, 1994). Эволюция философской мысли все больше наделяет человека пространством для интроспекции и рефлексии. Основоположник экзистенциализма Кьеркегор описывает жизнь человека как вечный поиск и невозможность достижения спасения в греховном мире, достижения подлинности существования, тогда вина становится онтологической характеристикой личности, “заброшенной” в бытие (K'еркегор, 1993). Подобно тому, как датский философ говорил о вине как “болезни к смерти”, Ницше рассматривает вину как болезненность, но свойственную не каждому по факту рождения, а лишь слабой личности (Nietzsche, 1967).

Русские классики возвращают мыслящего субъекта в мир, где Бог и церковь признаются источниками всего благого, Л. Н. Толстой рассматривает жизнь человека как «поход» из естественной вины. Для его героев опыт переживания вины – ужасное состояние, которое с течением жизни преодолевается в возрастании чувства личности с её ответственностью за все совершаемые выборы (Tolstoi, 1982). Ф.М. Достоевский в своих произведениях обращается к духовному поиску опор для личности в людях, в любви или жертвенности, в Боге или протесте “твари дрожащей” ... Путь осознания собственной виновности и есть решение, по Достоевскому, как позиция “встать в отношении” к своей вине, факту собственной виновности – и задать таким образом дистанцию для преображения (Starovoitenko, 2010). Здесь мы обнаруживаем точку выхода на онтологический уровень сущности, тем самым возвращаясь к природе человека, пронизанной виной в метафизическом

смысле. Герои Достоевского надеются на спасение души через испытание виной и её конечным принятием.

К. Ясперс в 20 веке предлагает рассматривать вину как экзистенциал бытия человека, укрепляя онтологическую укорененность эмоции в жизни (Golub, 2020). А. Камю ставит человека перед лицом абсурдности существования и обрекает на неизбежность виновности, которая может быть преодолена интеграцией такого опыта (Kamiiu, 1990). В сочинениях Ж.-П. Сартра человек освобождается от оков первородного греха, его рассуждения в русле атеистического экзистенциализма делают человека ответственным за актуализацию собственной личности в бытии как человека перед общечеловеческим судом (Sartre, 2007). Таким образом, личность может быть обречена на вину при отсутствии стремления к развитию проекта “Я” и, как следствие, предательству “человека коллективного”. Так прослеживается путь эволюции представлений о вине с последовательным продвижением к внутренне обусловленной значимости человека, при этом со связью индивидуальной доли вины с виной коллективной, что логически проистекает из общности экзистенции и культурного геноза человека.

С точки зрения психологического определения вина – это социальная эмоция, которая обеспечивает сосуществование индивидов, социальный порядок, ориентирует на путь исправления и личностных трансформаций (Keltner, Haidt, 1999). В представленной трактовке вина является междисциплинарным объектом исследования, ориентирующим внимание на социальную обусловленность чувства вины, что она как нечто объективное санкционируется и запускается общественными институтами и законами, здесь в большей степени можно говорить о понятии виновности как внешней социальной или исторической маркировке личности или общности людей. Виновность, если рассматривать ее не как синоним чувства вины, в большей степени свидетельствует об общественной характеристике, подразумевающей возник-

шую ответственность по поводу содеянного. Таким образом, виновность зависит от морально-нравственных ориентиров социальной группы и является социально-дискриминирующим феноменом как средством регуляции общественных отношений (Murav'eva, 2011). Вина как психологический феномен, в свою очередь, в большей степени ориентирована на переживания человека, феноменологию опыта совладания с фактом виновности очевидной, ложной или мнимой. Связи социального феномена виновности и психологического феномена чувства вины многомерны и нелинейны, и эти связи заслуживают отдельного глубокого изучения.

Вина в контексте определения дефиниций в психологических исследованиях отделена от понятия стыда, который, в отличие от первой, по мнению психоаналитика и исследователя стыда Б. Килборна, подразумевает негативную оценку по отношению ко всей личности, а не к ее проявлению в форме поведения (Kilborn, 2007). Нейроэндокринолог и исследователь биологии поведения Р. Сапольски представляет разницу вины и стыда через понятие индивидуалистических и коллективистских культур и морали, культивируемой в их контексте. Так, стыд, конституирующий исполнение социальных норм, ставит перед человеком вопрос о том, какое мнение сложится о нем самом в глазах другого, тогда как вина, характерная для индивидуалистических обществ, оставляет человека наедине с собой и с вопрошанием, “как мне с этим жить?” (Sapol'ski, 2019). Так биолог формулирует вопрос в духе экзистенциальной психологии.

Российский антрополог и психолог И. Кон помещал вину как предмет научного обозрения в рамки социальной психологии, называя вину вкупе с другими эмоциональными проявлениями, страхом, стыдом, регуляторами социального поведения (Kon, 1979). Социальное развитие человека венчает моральное самосознание, которое продуцирует этические эмоции, подобные вине, изучение которой помещается в контекст общей теории эмоций (Sidorenko, 1971).

С эволюцией представлений о психологии вины, анализируемое переживание становится частью эмоционально-ценностного отношения к собственному “Я”. Вина возникает из уязвимости “Я”, которое не способно интегрировать идеальное представление о себе и реальное самоощущение (Stolin, 1983). Такой подход, с одной стороны, включает гуманистический посыл, но при этом вносит и психоаналитический характер в ход построения модели генеза переживания вины.

Различные подходы в психологии предлагают трактовки происхождения чувства вины и механизма его переживания. В теории З. Фрейда центральное место уделяется “Супер-Эго”, которое своим давлением на “Эго” создает напряжение между требованиями контролирующей части психики и волевыми проявлениями, которые выражаются в достижениях “Эго” (Freid, 2007). Личность, таким образом, ориентируется на социально одобряемую модель поведения и самоанализ, который может привести как к усугублению самобичевания, так и к личностному росту. Э. Эриксон, развивая представление о стадиях психосексуального развития Фрейда, связывает возникновение вины в эмоциональном опыте личности с возрастом 3–5 лет, когда поощрение и создание условий для самостоятельного проявления родителями приводит к предприимчивости или же чувству вины как следствие подавления инициативности и порицания за нее (Erikson, 1996). М. Кляйн говорит о более архаичном происхождении вины, обращая внимание на первые месяцы жизни, когда вина становится частью амбивалентно заряженного мира эмоций младенца, который может испытывать противоположные влечения к значимому объекту (Kliain, 1997). Теория объектных отношений говорит о репаративных тенденциях как о возможности прощения при переходе от параноидно-шизоидной позиции к депрессивной с психическим развитием личности.

Когнитивная теория в психологии видит причину субъективного переживания вины в иррациональных убеждениях

и связывает адаптивный ответ на вину с ментализацией, способностью осознать собственное эмоциональное состояние и идентифицировать чувства другого (Ellis, 2002). Бек связывает переживание вины с неадекватной интерпретацией произошедшего, когда личность усматривает причину триггеров виновности в неотделимых от себя характеристиках (Bek, Frimen, 2002). Психотерапевтическая работа в когнитивно-поведенческом подходе, нацеленная на формирование адекватной самооценки из рациональных убеждений и возможности настройки локуса контроля и развития ментализации, позволяет привести личность к функциональному ответу за вину.

Экзистенциально-гуманистический подход предлагает не только абстрактный взгляд на человеческое страдание в связи с переживанием анализируемого чувства, но и открывает “портал” для возможности реализации личностного потенциала из отправной точки вины. Мэй рассматривал чувство вины как переживание несоответствия между представлением о себе в потенции и действительным “Я”. Отрицание возможности самоактуализации или неудачи в реализации потенциальных возможностей запускают механизм переживания вины (Mei, 2012). Теоретик экзистенциальной психологии предлагает классификацию форм переживания вины в зависимости от генеза как следствие личной ответственности в связи с необходимостью самореализации, как переживание невозможности слияния со значимым другим или же как опыт отделенности от природы, утраты связи с Абсолютом (Mei, 2004). В экзистенциальной психотерапии Ялома вина обретает статус вопроса экзистенциального значения, подразумевает связь вины с ответственностью (Ialom, 2019). Вина может носить подлинный характер переживания, когда присутствует факт преступления и невротический по причинам внутренних противоречий. Гуманистическая психология через признание и проживание виновности, ассимиляцию опыта, предлагает возможность

прохождения репаративного пути к подлинному существованию, освобождению от чувства вины и возвращению к собственной природе.

Эволюция представлений о вине в философии и теоретический обзор существующих в психологии подходов к определению природы возникновения чувства вины и его влияния на комплекс переживаний человека оставляет нас с вопросом о том, как личность обращается к чувству вины, как такой опыт проживается в связи с различными жизненными контекстами и особенностями на персональном уровне.

Концептологические основания исследования

Феноменологическая установка, предполагающая поворот к субъективности, значимости специфического индивидуального опыта переживания становится значимой для того, чтобы приблизиться к пониманию его сущности (Busygina, 2024: 49). Такой подход, базирующийся на идее феноменологического “схватывания” Гуссерля, позволяет настроить мосты между теорией психологии и тем, как может быть обустроена работа с интересующим феноменом в консультативной практике. Таким образом, привлечение философского знания, литературно-художественного материала, теоретической и практической психологии становится первым шагом к построению феноменологической модели понимания феномена и определению путей для переработки эмоционального опыта и его интеграции в консультативной практике.

Разнообразие философских концепций вины было систематизировано О. Турышевой, выделенные ею типы можно рассматривать как философско-теоретический базис для дальнейшей разработки уже психотерапевтической позиции при работе с феноменологией переживаний вины клиентом психолога. Исследовательницей феномена вины в контексте разных форм искусства были обозначены три типа вины – метафизическая, этическая и экзистенциальная (Turysheva, 2017). Метафизическая вина – особая форма переживания, которая вызва-

на трансцендентным, иллюстрацией может стать миф о первородном грехе. Такой тип переживания универсален для представителей христианской и шире – авраамических культур, где вина проникает в самое ядро личности, ее природу, происхождение и конституирует полноценность человечности в его связи с Божественным. Этот тип вины не предполагает избавление, лишь покаяние и возрастание интегрированности личности в духовной работе.

Этическая вина также предполагает наличие Другого, однако здесь речь идет не об абсолюте, но о человеке, по отношению к которому был совершен проступок. Этическая вина подразумевает факт нарушения норм морали, общественных представлений о нравственности, возникает в пространстве действия общественных институтов и функционирования социальных норм. Этот тип вины влечет социальный поступок – возмещение, покаяние и сожаление, ведущие к восстановлению личностного баланса. В этом может быть необходима помощь помогающего специалиста.

Особняком стоит экзистенциальная вина, потому что она не предполагает Другого или абсолютной души для возникновения переживания, достаточно индивидуального уровня существования и взаимодействия со своим внутренним миром. Экзистенциальная вина связана с ответственностью за преступление, которое личность совершила по отношению к заложенному потенциалу (Ialom, 2019). Такое понимание близко идее Ж.-П. Сартра, который говорит об ответственности за реализацию “проекта” себя (Sartre, 2007). М. Бубер закладывает гуманистический потенциал в акт признания виновности, ведь в момент осознания и принятия такой данности личного опыта происходит принятие волевого решения стать собой и установить подлинный контакт с миром (Buber, 1957). Таким образом, философия экзистенциальной вины венчается обращением личности к подлинному “Я” через деятельное переживание.

Р. Мэй говорит о том, что вина – своеобразный маяк, который напоминает чело-

веку о потенциально возможном, о движении к подлинному Я. Обращение к вине как к переживанию может позволить проявить творчество в вопросе постижения смысла, вина обращается в конструктивный инструмент личностных преобразований (May, 1958). Ялом говорит о необходимости искупления вины в действительности или в эквивалентной символической форме, когда речь идет о подлинной вине, а когда мы говорим о невротической вине, возникает необходимость посредством экзистенциальной психотерапии воззвать к ответственному отношению и перейти на уровень экзистенции (Ialom, 2019). Такие процессы трансформируют отношение к жизни в целом.

В гештальтпсихологии вина становится тем, что становится угрозой целостности. Вина разворачивается в пространстве межличностных отношений, когда нарушается контакт, происходит разрушение и преодоление границ и из страха разрушения уже искаженного контакта возникает невротический конфликт (Perlz, Gudmen, Khefferlin, 1997). Гештальтпсихология в лице Перлза и его последователей демаргинализирует чувство вины, ведь бегство от вины, следовательно, ответственности, лишает свободы выбора, лишь временно освобождает от напряжения и препятствует процессам идентификации и возможности нести ответственность за личный выбор и автономное решение (Perlz, 2000). Осознание назначения переживаемого опыта и лишений позволяет интегрировать вину в эмоциональный фон личности.

Василиук, принимая идеи экзистенциальной психотерапии, в рамках понимающей психологии и психотерапии говорит о вине как “покрове” греха, признание которого в форме исповеди может стать репаративным процессом (Vasiliuk, 2004). Экзистенциально-гуманистический подход к пониманию и терапии вины ориентирован на принятие ответственности за поступки и проступки, совершаемые против других и самого себя, обращение к той части личности, которая может запустить процесс интеграции комплексного пережи-

вания и извлечения конструктивных идей для развития.

Постановка проблемы

Как обращение к литературному материалу, языку художественного произведения, может способствовать пониманию сущности феномена вины и проливать свет на способы совладания человека со сложным переживанием?

Использование монологов “Братьев Карамазовых” Достоевского обусловлено реалистичностью человеческих образов, феноменологию психического опыта которых описывает реалист и русский экзистенциалист в истории, где “всякий перед всеми за всех и за все виноват”, как говорит старец Зосима (Dostoevsky, 2023: 373). Психологический подход классика ориентирует на экспликацию материала для реконструкции феноменологии переживания вины для ответа на вопросы о личной связи с анализируемым эмоциональным опытом.

Рефлексия героев по поводу собственной вины или личной невинности возникает из ключевого события в истории дома Карамазовых, убийства Федора Павловича. Сюжет романа позволяет рассуждать о вине индивидуальной и коллективной, вине в правовом, нравственном, социальном и религиозном аспектах. Переживания героев могут ориентировать на возможность применения концептуальных философских и психологических моделей, экзистенциальной, этической и метафизической вины, невротической и подлинной формы переживания. Качественный анализ рефлексивного текста позволяет ответить на вопрос о расширении видения психолога-исследователя и психолога-практика благодаря использованию методов персонологии.

Методология

Герменевтический метод используется с целью “эксплицировать и систематизировать литературно-художественные, теоретические, феноменологические знания о личности”, “раздвинуть границы пространств незнания и осознанной неизвестности” (Starovoitenko, 2023) в связи с темой

вины. Герменевтика и феноменология дополняются методом моделирования, позволяющим синтезировать знание о вине в рамках конкретного направления психологии, преодолеть разрыв между уровнем абстракции теории и случая, который представляет не только литературный текст, но и жизнь, психологическая практика.

Построение теоретической модели переживания вины в обозначенной рамке исследования становится возможным благодаря качественному анализу литературных монологов при адаптации метода описательной феноменологии, предложенного Джорджи (Giorgi, 1997). За герменевтикой текста последовал отбор рефлексивных фрагментов текста с последующим их переводом на естественный язык и формулирование на базе рассмотренных концепций

вины характерного способа отношения к переживанию. Результаты анализа монолога представляются в таблице для героя произведения, где в первом столбце представляется фрагмент литературного материала, во втором – перевод на естественный язык и в третьем – описание на языке теоретических подходов, рассмотренных выше, и формулировка способа отношения как вывода по качественному исследованию.

Обсуждение

Рассмотрим вариант применения разработанной методики анализа на примере героя, Дмитрия Федоровича Карамазова. Для анализа в первом столбце представлена выдержка из речи героя перед судом по делу об убийстве отца. Результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1. Опыт Дмитрия Карамазова
Table 1. Dmitriy Karamazov's experience

Фрагмент монолога	Описание произошедшего	Способ отношения
<p>“... их ведь много, их сотни, и все мы за них виноваты! Зачем мне тогда приснилось «дитё» в такую минуту? «Отчего бедно дитё?» Это пророчество мне было в ту минуту! За «дитё» и пойду. Потому что все за всех виноваты. За всех «дитё», потому что есть малые дети и большие дети. Все – «дитё». За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю! Мне это здесь все пришло... вот в этих облезлых стенах. А их ведь много, их там сотни, подземных-то, с молотками в руках. О да, мы будем в цепях, и не будет воли, но тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой человеку жить невозможно, а Богу быть, ибо Бог дает радость, это его привилегия, великая... Господи, истай человек в молитве! Как я буду там под землей без Бога? Врет Ракиitin: если Бога с земли изгонят, мы под землей его</p>	<p>Дмитрий, представ перед судом, рассказывает о своем сне, в котором ему явился ребенок. Герой делится непониманием такого явления. Дмитрий выражает готовность понести наказание, причина тому – дети, маленькие и большие. Дмитрий отвергает свою виновность в убийстве отца, но принимает необходимость опыта несения наказания. Герой рассуждает о будущем, о пребывании в “подземном царстве”. Дмитрий выражает надежду на воскрешение души и спасение в Боге, молитве. Дмитрий Федорович признается в любви к Богу после рассуждения о нужности Бога для каторжных, для людей в целом</p>	<p>Дмитрий Федорович проникся сном с младенцем, видимо, это стало для него личной историей, связанной с его семьей и детством. Дмитрий принимает философию старца Зосимы, о “виноватости” всех перед всеми, ощущает свою причастность к коллективной вине, воодушевлен пойти на наказание за всех. Дмитрий берет на себя вину того, кто совершил преступление из духовного смысла такого наказания для него. Герой категорически отвергает свою виновность в преступлении, но он ощущает свою вину за иное, личное, которое оказывается связанным с общественным. Подсудимый выражает тоску по Всевышнему, он преисполнен чувством любви к Богу. Дмитрий предстает в образе мученика. Вина становится ему спасением, через вину, ее принятие вопреки, он надеется на радость, любовь и освобождение от личного суда, исповедь, покаяние и прощение</p>

Таблица 1 Продолжение
Table 1 Continued

Фрагмент монолога	Описание произошедшего	Способ отношения
встретим! Катержному без Бога быть невозможно, невозможнее даже, чем некаторжному! И тогда мы, подземные человеки, запоем из недр земли трагический гимн Богу, у которого радость! Да здравствует Бог и его радость! Люблю его!" ¹		

¹Достоевский Ф.М., "Братья Карамазовы", Часть четвертая, Книга одиннадцатая. Брат Иван Федорович, IV. Гимн и секрет.

Герою удастся признать виновную часть себя, Дмитрий Федорович принимает мировоззрение, транслируемое главным философом произведения, Зосимой. С точки зрения философии Карамазов испытывает метафизическую вину, его текст наполнен религиозными переживаниями, он преисполнен чувствами к Богу, его душа стремится к нравственному восхождению и освобождению через исповедь. Вина воспринимается как потенциал для спасения. С психологической точки зрения мы имеем дело с экзистенциальной виной, поскольку переживание обращает личность к подлинному "Я". Анализируя феноменологию опыта, Дмитрий Карамазов, с одной стороны, расширяет свою зону ответственности до коллективного, что может свидетельствовать о смещении локуса контроля и неадекватности когнитивного восприятия, несет наказание за преступление, которое он не совершал, но, с другой стороны, вина обращает к личным ценностным ориентирам. Иными словами, герой становится на путь преодоления вины признанием ответственности и стремлением самоактуализироваться и "встать в отношение" с миром (Starovoitenko, 2010). Через данный пример раскрывается нетривиальное преобразующее назначение анализируемого эмоционального опыта.

Подобным образом в нашем исследовании проведен феноменологический анализ монологов других Карамазовых, вовлеченных в событийный ряд личностных выборов и связанных переживаний.

Заключение

Обращение к построению теоретических моделей вины с опорой на концептуальные основания в различных подходах психологии позволяет вкупе с философскими представлениями о вине создать матрицу для феноменологического описания опыта переживания вины на основе рефлексивного монолога героя или представляемого материала клиентом психолога-консультанта. Классификация вины на метафизическую, этическую и экзистенциальную обнаруживает связь и укорененность психологической теории в философии и становится применимой к анализу рефлексии по поводу переживания анализируемой сложной эмоции. Гуманистическая традиция в психологии наделяет вину источником открытия своего потенциала для самоактуализации и подлинного контакта с миром и с собой. Следующим перспективным шагом дальнейшего исследования видится интеграция теоретической модели в разработку стратегии продуктивного взаимодействия в консультативном процессе при работе с субъективным опытом переживания вины.

Список литературы / References

- Bek A., Frimen A. *Kognitivnaia psikhoterapiia rasstroistv lichnosti. Praktikum po psikhoterapii [Cognitive psychotherapy of personality disorders. Practical guide on psychotherapy]*. Saint-Petersburg, Piter, 2002, 544.
- Buber M. *Pointing the Way Collected Essays*. Routledge & Kegan Paul. 1957.
- Busygina N. P. *Metodologiia kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodology of qualitative research in psychology]*, Moscow, Infra-M, 2024, 304.
- Dostoevskii F. M. *Brat'ia Karamazovy [Karamazov Brothers]*. Moscow, Izdatel'stvo AST, 2023, 992.
- Ellis A. *Gumanisticheskaia psikhoterapiia: Ratsional'no-emotsional'nyi podhod [Humanistic psychotherapy: Rational-emotional approach]*. Saint-Petersburg, Sova, 2002, 272.
- Erikson E. *Detstvo i obshestvo [Childhood and society]*. Saint-Petersburg, Universitetskaia kniga, 1996, 592.
- Freid Z. *Vvedenie v psikhoanaliz [Introduction to psychoanalysis]*. Moscow, AST, 2007, 640.
- Giorgi A. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure. In: *Journal of Phenomenological Psychology*, 1997, 28(2), 235–260.
- Golub N. N. Poniatie ekzistentsii v filosofii Karla Iaspersa [The concept of existence in the philosophy of Karl Jaspers]. In: *Teoriia i praktika sovremennoi nauki [Theory and practice of the modern science]*, 2020, 3(57), 73–76.
- Ialom I. *Ekzistentsial'naiia psihoterapiia [Existential psychotherapy]*. Moscow, Nezavisimaia firma "Klass", 2019, 576.
- Kamiu A. *Buntuiushii chelovek. Filosofii. Politika. Iskusstvo [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]*. Moscow, Politizdat, 1990, 415.
- Kant I. *Sobranie sochinenii v 8 tomakh [Collected works in eight volumes]*, 1994, 8, 29–37.
- Keltner D., Haidt J. Social functions of emotions at four levels of analysis. In: *Cognition and Emotion*, 1999, 13(5), 505–521. DOI: 10.1080/026999399379168
- Kilborn B. *Ischezaiushchie liudi: Styd i vneshnii oblik [Disappearing people: Shame and appearance]*. Moscow, Kogito-Tsentr, 2007, 269.
- Kliain M. *Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie bessoznatel'nykh istochnikov [Envy and gratitude. Exploring unconscious sources]*. Saint-Petersburg, 1997, 100.
- Kon I. S. Moral'noe soznanie lichnosti i reguliativnye mekhanizmy kultury [Moral consciousness of the individual and the regulatory mechanisms of culture]. In: *Sotsialnaia psikhologiia lichnosti [Social psychology of personality]*. 1979, 85–113.
- Kovalev A. A. Osobennosti dialektiki dobra i zla v rabotakh filosofov Novogo vremeni (T. Gobbs, B. Spinoza, G. V. Leibnits) [Features of the dialectic of good and evil in the works of Modern philosophers (T. Hobbes, B. Spinoza, G. W. Leibniz)]. In: *Filosofii i kul'tura [Philosophy and culture]*, 2021, 3, 85–100. DOI: 10.7256/2454–0757.2021.3.35851
- K'erkegor S. *Strakh i trepet [Fear and trembling]*. Moscow, Respublika, 1993, 270.
- Lebedev A. V. Entelehiia [Entelechy]. In: *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia [Great Russian Encyclopedia]*, 2017. Available at: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4936153>
- May R. *Contributions of existential psychotherapy in Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology*. New York, Basic Books, 1958, 31–92.
- Mei R. *Otkrytie bytiia. Ocherki ekzistentsial'noi psihologii [The discovery of being. Essays on the existential psychology]*. Moscow, Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy, 2004, 224 p.
- Mei R. *Sila i nevinnost' [Power and innocence]*. Moscow, Vintazh, 2012, 224.
- Murav'eva M. G. *Vina i pozor v kontekste stanovleniia sovremennykh evropeiskikh gosudarstv (XVI–XX vv.) [Guilt and shame in the context of the formation of modern states (XVI–XX cc.)]*. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011, 296.
- Nietzsche F. *On The Genealogy of Morals*. New York, Vintage Books, 1967, 367.
- Perlz F. *Ego, golod i agressiia [Ego, hunger and aggression]*. Moscow, Smysl, 2000, 358.

- Perlz F., Gudmen P., Hefferlin R. *Praktikum po geshtal'tterapii [Practicum of Gestalt therapy]*. Moscow, Akademiia, 1997, 445.
- Sapol'ski R. *Biologiia dobra i zla: Kak nauka ob'iasniaet nashi postupki [Biology of good and evil: How science explains our actions]*. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2019, 522.
- Sartre J.-P. *Existentialism is a humanism*. New Haven, Yale University Press, 2007, 70.
- Sidorenko I. I. Mesto i rol' nraivstvennykh kachestv v sisteme moralnogo soznaniia [Place and role of the ethical qualities in the system of moral consciousness]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow university]*, 1971, 5, 48–57.
- Starovoienko E. B. Model' personologii v paradigme “znizni” [Model of personology in the paradigm of “life”]. In: *Mir psikhologii [The World of Psychology]*, 2010, 1, 1–27.
- Starovoienko E. B. *Obshchaia personologiia [General personology]*. Moscow, Akademicheskii proekt, 2023, 582.
- Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti [Self-awareness of the individual]*. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1983, 286.
- Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii v 22 tomakh [Collected works in twenty-two volumes]*, 1982, 12.
- Turyshcheva O. N. *Vina kak predmet khudozhestvennoi mysli: F. M. Dostoevskii, F. Kafka, L. fon Trier [Guilt as a subject of artistic thought: F. M. Dostoevsky, F. Kafka, L. von Trier]*. Ekaterinburg, 2017, 152.
- Vasiliuk F. E. Ispoved' i psikhoterapiia [Confession and psychotherapy]. In: *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2004, 12(4), 79–90.